

Глава 28. Накануне перемен

- Если бы ты знал, то не получил бы травму и не был бы вынужден прятаться и искать помощи, верно? - Мэн Фуяо бросила на него взгляд. - Ты из семьи Юнь?

- Юн Хен. Приемный сын, - просто представился он.

Глаза Мэн Фуяо вспыхнули, когда она подумала о том, что вражда между семьями Юнь и Пэй была вызвана из-за Юань Чжасяо и ее самой.

Чувство вины привело к отступлению. «Разве Ци Сюньи не искусен? - она задала риторический вопрос, щелкнув по карте Запретного города, которую дал ей Юн Хен. - Он ведь не контролирует отряд, не так ли? Как же он тогда будет действовать?

- Понятия не имею, - ответил Юн Хен, глубоко задумавшись. - Я подозреваю, что кто-то ему помогает.

- Кто?

После короткой паузы он медленно и серьезно ответил: «Чжансун Уцзи.»

Мэн Фуяо удивленно подняла брови и спросила:

- Он принц из другого народа. Зачем ему вмешиваться в дела Тайюаня?

- Народ Сюаньянь реорганизовывает свою армию и кормит своих лошадей с намерением расширить свою территорию, - поделился Юн Хен. - Однако, с Чжан Бэйем в качестве соседа, Сюаньянь не сможет прикоснуться к Тяньши. Их целью, скорее всего, будет Уцзи. Им нужно занять путь Тайюаня, чтобы незаметно напасть с границы Уцзи. Поскольку наложница тайюаньского наследного принца также является принцессой народа Сюаньянь, Чжансун Уцзи очень хотел бы кого-то другого в качестве наследного принца.

- Разве наличие другого наследного принца устраняет всю угрозу для нации Уцзи? - спросила Мэн Фуяо. - Подумать только, Чжансун Уцзи известен своей мудростью... какой бык.

- Он не так прост, как ты думаешь. - Юн Хен покачал головой. - У него должны быть свои планы.

- Разве ты не ставишь его на пьедестал, - прокомментировала Мэн Фуяо, ее глаза внезапно вспыхнули. - А как он выглядит? Есть отличительные черты?

Юн Хен снова покачал головой. - Слышал, что он уродлив и редко показывает свое настоящее лицо.

-О, - пробормотала Мэн Фуяо, прежде чем встать на ноги. - Пошли отсюда.

Солнечный свет просачивался внутрь, ударяясь о слегка выступающую зеркальную линзу и образуя белый луч, который освещал еще одну утопленную стену. На нем постепенно появилась рельефная скульптура декоративного оформления. Мэн Фуяо подошла и провела пальцем по прожилкам узора круговыми движениями по часовой стрелке.

Скрипучие звуки прервали ее движение, и вскоре потайная дверь приоткрылась.

Стрел не было, что позволило Мэн Фуяо вздохнуть с облегчением. Мелькнул черный свет, и бесчисленные орудия рванулись вперед, как ядовитые змеи.

Как только она собралась отступить, чтобы избежать ситуации, она вспомнила, что Юн Хен был позади нее беззащитен.

Этот момент колебания привел ее к потере шанса, так как оружие уже было за дверью.

Ветер резко свистел, заставляя болеть глаза.

Щелк.

Кто-то бросился вперед, мгновенно достал два пистолета и раскрыл руки, чтобы зажать их подмышками. Затем он развернулся и в процессе получил контроль над оружием, нажимая на спусковые крючки и заполняя место звуками выстрела.

Это был Юн Хен, сделавший этот шаг. После чего плавным движением скользнул вперед и свернул шею одному из бандитов. Прежде чем жертва упала, он уже перешел к следующему. Леденящие душу крики раздавались один за другим, пока не осталась только одна голова. Незнакомый с таким безжалостным способом убийства, последний оставшийся в живых был совершенно ошеломлен, только выйдя из шока и попытавшись бежать, поняв, что все остальные мертвы.

Юн Хен держал свой меч горизонтально, его отраженный свет блестел и ослеплял человека в одно мгновение. Он сверкнул улыбкой, прежде чем бросить меч вперед и пронзить горло мужчины.

Свежая кровь хлынула из раны, когда он пошатнулся, прежде чем забиться в конвульсиях и рухнуть на землю.

В тот момент, когда Юн Хен убрал свой меч и прижал его к земле, он оперся на него, задыхаясь. Мэн Фуяо уставилась на него в изумлении. Его навыки были не самыми лучшими, но он был бесспорно точен. Его поступь была гладкой, как струящаяся вода, а скорость и манера исполнения были практически искусством.

После боя Юн Хен был истощен. Он громко дышал, но звук капель все еще был слышен, когда кровь сочилась из свежей раны на тыльной стороне его руки. Цветовой контраст между его кожей и кровью был пронзительным.

Мэн Фуяо бросилась к нему и нахмурилась. «Проход открыт.»

Юн Хен выпрямился, его тело, его бледное лицо, внезапно развернувшись, он покраснел. Слегка охрипшим голосом он пробормотал: «Ничего страшного. Пошли, быстро.»

Мэн Фуяо поняла, почему он чувствовал беспокойство. Боевики, которые устроили засаду, были доказательством того, что кто-то уже сообщил о своей встрече Юн Хена с Ци Сюньи, последний из которых сразу укрепил безопасность во дворце и убедился, что никто не может спокойно добраться до Дворца Цяннань.

- Это не будет делать. - Мэн Фуяо покачала головой. - Юн Хен, моя внутренняя энергия была запечатана. С этим и тем фактом, что ты тяжело ранен, мы не сможем уйти далеко. Вместо того, чтобы рисковать нашими жизнями, охраняя Дворец Цяннань, почему бы не придумать способ вытащить наследного принца?

Глаза Юн Хена загорелись, и он сузил их.

- Сегодня день рождения Его Величества, поэтому он должен оставаться во дворце в знак уважения.

- А если начнется восстание? - Мэн Фуяо неторопливо улыбнулась. - Кто будет отвечать за это? Какие правила предусматривают?

Юн Хен вскинул голову, его голос усилился. - Что ты говоришь...

- Бунт, - Мэн Фуяо подчеркнула. - Нанесите удар перед Ци Сюньи, и наследный принц будет вынужден уйти.

Точно так же, в день рождения императора Тайюаня, который также был 23 сентября, на город обрушились внутренние беспорядки. Это будет позже придумано как хаос Яньцзин.

Тем не менее, китайские историки также в частном порядке называли бы его двойным хаосом.

Это был чрезвычайно странный инцидент – за одну ночь две враждебные электростанции подняли восстание в Имперском городе Яньцзин.

В одно мгновение свежая кровь брызнула на улицу, в следующее мгновение кровь была очищена еще одной волной кровавого дождя.

В истории никогда не было подобного события. Королевская семья никогда прежде не поднималась против него дважды.

Это странное событие, казалось, было битвой за превосходство между наследным принцем Тайюаня и принцем Ци. Никто не знал, что какая-то конкретная девушка была ответственна за его запуск, а значит, и за расшатывание основ императорского двора и вовлечение в него целых народов. Она фактически сделала первый шаг в изменении конечной политической судьбы континента пяти регионов.

Однако на тот момент она все еще оставалась никем, не имея никаких шансов подняться среди влиятельных фигур всех семи наций.

Тем не менее, поскольку феникс расправил свои крылья над районом Тайюаня, это был только вопрос времени, пока одна конкретная девушка не развернула свои и не написала свою собственную эпическую историю.

...

Почти беззвездная и тусклая ночь опустилась на имперский город, когда облака энергично закружились вокруг, нарушая спокойствие осенних дней.

Со зловещим небом резко контрастировали сверкающие ленты, свисавшие с дворцовых фонарей в Имперском городе. Вышитый шелк был привязан ко всем деревьям, а через каждые три ступеньки стояла цветущая хризантема, с которой свисала темно-красная лампа. Слабое свечение изнутри создавало красивый контраст, который усиливал яркий цвет цветов. Это было ослепительное зрелище.

На водном павильоне перед Дворцовым залом Цянань был установлен нефритовый понтонный мост, который пересекал пруд в форме лотоса, наполненный фонарями. Над павильоном висела подсвеченная жемчужина, освещавшая стол, полный свежих фруктов и деликатесов, готовых к употреблению по прибытии императора.

Соответствующие принцы уже добрались до Дворца Цянань и, ожидая, вели веселые дружеские беседы.

Ци Сюньи откинулся на спинку стула, взяв в руки небольшую гроздь винограда. Поедая их, он не сводил глаз с песчинок в песочных часах, стоявших на столе.

Была середина дня.

Шестой восточный дворец, находившийся на некотором расстоянии от Дворца Цянань, был не весел по сравнению с ним. Не так много места было занято, так как не было много наложниц, проживающих внутри. Несмотря на сезонные украшения, все помещение было не освещено, а значит, излучало определенный холод. Цветные лампы, свисавшие с карнизов, раскачивались на ветру, рисуя красные ореолы, которые казались кровью в ночном небе.

Тем не менее, пара черных фигур спешила к Дворцу Синь. Они были одеты в наряды евнуха и дворцовой служанки.

Они быстро передвигались и прятались в темном углу всякий раз, когда мимо проходили охранники. Их движения были легкими и быстрыми, ни разу не вызвав тревоги.

Прибыв в зал Дворца Хуандэ, они остановились.

Пересекая Дворцовый зал Хуандэ, в котором жила старая наложница из предыдущей династии, они попадали в несчастый Дворец Синь. Пройдя через аллею Дворца Синь, они оказались у восточного входа в Имперский город, также известного как Врата смерти. Это были ворота, из которых вытаскивали трупы оскорбленных наложниц и слуг. Согласно легенде, это было место, куда никогда не проникал солнечный свет, и его зловещие вибрации отпугивали прохожих.

Но в тот вечер все было по-другому.

Перед стенами, разделяющими дворцы Сюань и Синь, стоял рой войск, полностью бронированных и занимающих переулок, как змеи. Они патрулировали без отдыха, тщательно охраняя территорию, чтобы даже крыса не могла пройти.

Дуэт обменялся взглядами и уловил страх в глазах друг друга.

Стена Дворца Синь была всего в 10 метрах впереди, но в ту ночь это расстояние превратилось в непреодолимый океан.

Юн Хен с тревогой поднял голову, чтобы посмотреть на хмурое небо. Южные небеса еще не совсем оставили позади лето, поэтому надвигающиеся грозовые тучи обдували порывы влажного ветра, который, казалось, сгустился при прикосновении.

До начала праздника оставался примерно час.

Лицо Юн Хена было пепельного цвета, когда он смотрел на непрекращающиеся шаги охранников, которые постепенно превращались в размытые образы, которые возникали из глубин его сознания, плывя через месяцы и годы воспоминаний и через реку Мэн По, чтобы вновь появиться перед его глазами.

Беспорядочные шаги, холодные и торопливые, пронеслись мимо его поля зрения. Он вздохнул и протянул руку, пытаясь ухватиться за что-нибудь для поддержки, когда на него приземлился ботинок. Он поднял голову от боли, но давление на его ноги медленно увеличивалось.

В ту роковую ночь у братской могилы, где совы перелетали с дерева на дерево, шурша крыльями по листьям и издавая тревожные крики, он лежал на животе на мокрой земле, глядя на блестящую лопату. Окровавленная грязь забрызгала его лицо, когда ее выкапывали, мешая видеть ясно видеть то, что было в яме...

Дыхание Юн Хена постепенно стало учащенным.

Когда же он освободится от этих кошмаров, скованных долгими, затонувшими годами?

В его глазах появилась легкая искра и в следующее мгновение интенсивно взорвалась. Юн Хен крепче сжал свой меч и приготовился сделать свой ход, когда кто-то потянул его назад.

<http://tl.rulate.ru/book/23293/635040>